

**Проблемы изучения русской и зарубежной литературы:
Сборник научных статей. Вып. 3. –
Таганрог, 2002. – С. 34-39**

ТЕМА ПАМЯТИ В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «АРХИЕРЕЙ»

Седегов В. Д.

Личность писателя наиболее полно раскрывается в его произведениях. И это касается не только мировоззрения, которое Добролюбов предлагал искать в творчестве художника, но и многих других сторон личности. Проявляются они в отношении писателя к тем проблемам, которые он поднимает в своих произведениях. Сложность в том, что выявить "авторский голос" бывает очень непросто, особенно, если это касается А.П. Чехова. Еще сложнее определить оценку писателем собственного творчества, а имени в ней личность художника проявляется наиболее адекватно. Пушкинский "Памятник" - явление не частое.

Было ли что-нибудь подобное у Чехова? Если не считать общеизвестного высказывания писателя о том, что читать его будут лишь семь лет, высказывания, которого никто, да и сам он, конечно, всерьез не принимал, то, видимо, ответ напрашивается отрицательный. А вот герои Чехова нередко самостоятельно оценивают собственную деятельность, определив судьбу: Платонов в юношеской пьесе без названия, Лихарев - в рождественском рассказе «На пути», профессор в «завершающем» 80-е годы рассказе «Скучная история» и многие другие. И вместе с тем, среди многочисленных произведений Чехова не найти таких, где писатель прямо, без обиняков высказывал бы личное отношение к изображаемому; оценку он поручал либо рассказчику, либо повествователю и не раз предупреждал, чтобы не наделяли автора взглядами героев.

Не случайно современная Чехову критика в трактовке его произведений чаще всего была очень далека от понимания авторского замысла, и причина тому - непривычная, новаторская чеховская поэтика. Кроме того, писатель порой вносил в текст своих произведений такие подробности, о значении которых могли догадываться лишь те, кто близко знал его, или уж очень кропотливые исследователи чеховского творчества, а таких среди современников художника было немного. Произведения с "необъяснимыми" подробностями приобретают некую таинственную недосказанность, разгадать их смысл и достаточно убедительно интерпретировать пытается не одно поколение исследователей.

«Архиерей» относится к таким произведениям. Раскрыть его тайну было бы особенно заманчиво, если учесть, что Чехов придавал рассказу, видимо, особое значение: нарушив хронологическую последовательность он поставил его последним в XII томе собрания сочинений, вышедшего в качестве приложения к «Ниве» в 1903 г., да и работал над рассказом писатель много лет, что для Чехова совсем не характерно.

В литературе уже не раз отмечалось, что герой рассказа переживает особое эмоциональное состояние, настроение, созвучное тому, что испытывал автор, работая над рассказом, особенно в период завершения. Даже некоторыми собственными мыслями наделяет Чехов своего героя. Эта "психологическая близость" объяснялась исследователями стремлением писателя придать образу лиричность, психологическую достоверность.

Однако в рассказ введен целый ряд подробностей, которые не поддаются объяснению: например указывается точный возраст архиерея - ему чуть более сорока лет: 32-х уехал за границу, провел там 8 лет, с матерью не виделся 9 лет, а рассказ начинается со дня их встречи. Чехову в период интенсивной работы над рассказом в 1901г. был 41 год.

32 года - особая веха в биографии героя, его "сделали ректором семинарии, посветили в архимандриты, и тогда жизнь была такой легкой, приятной. Тогда же начал болеть"(10,192)1. Пришлось уехать за границу.

Карьера преосвященного Петра достойна удивления. "Он думал о том, что вот достиг всего, что было доступно человеку в его положении ..." (195). К сорока годам сыну сельского

дьякона сделаться викарным архиереем - явление исключительное. Автор произведения к 32 годам совершил далекое путешествие, усиленно работая над книгой "Остров Сахалин". В это время начинает сотрудничать в журналах "Русская мысль", "Всемирная иллюстрация", "Север", "Артист", в газете "Русские ведомости" и др. Выходят отдельные издания его произведений. Сын провинциального лавочника оказывается в центре внимания литературной критики. Тогда же начал болеть. Пришлось купить Мелехово. Повис большой долг, и Чехов очень беспокоился о близких: "... ну, а вдруг я уйду от вас грешных в иной мир, т. е. поколею?" (П.5,19).

Герой рассказа разобщен с родственниками, страдает от одиночества. Не раз исследователи и биографы Чехова говорили об одиночестве писателя среди постоянно окружающего его многолюдья, и сам он не раз упоминал об этом, особенно в письмах из ялтинской ссылки, когда работал над рассказом "Архиерей". Да и с родственниками не всегда складывались теплые отношения. Порой между близкими писателя возникали острые конфликты, и не случайно в завещательном письме к ним прозвучали слова "Живите мирно".

Можно было бы и еще указать на черты сходства "автобиографических подробностей" автора и героя, но остановимся на последней. "По крайней мере до пятнадцати лет Павлуша был неразвит и учился плохо, так что даже хотели взять его из духовного училища и отдать в лавочку..."(189).

В гимназии учились восемь лет. Чехов провел в стенах таганрогской гимназии одиннадцать: год учился в подготовительном классе и дважды оставался на второй год.

Если некоторые совпадения психологического плана можно объяснить стремлением сделать образ более лиричным, психологически достоверным, то сходство таких подробностей, как возраст, стремительность "карьеры", именно в 32 года (не прописью, а цифрами указывает Чехов нужные ему вехи: цифры бросаются в глаза, запоминаются) автор и герой достигли несомненного успеха и признания. Есть и другие, странные на первый взгляд совпадения, требующие серьезного осмысления. 32 года - это и возраст Христа. Мать преосвященного зовут Марией, как и Божью Матерь, а героя в монашестве - Петром, не потому ли, что именно Петр трижды отрекся от Христа в течение одной ночи. Ассоциации не могут не возникать - события чеховского рассказа уместились именно в рамках страстной недели, которая стала последней для преосвященного Петра: рассказ начинается всенощной под вербное воскресение, которую служит архиерей, и заканчивается его смертью накануне Пасхи и праздничным ликованием в первый пасхальный день. Причем писатель довольно подробно рассказывает о занятиях архиерея по дням недели, кроме среды. События, описанные в Евангелии, не упоминаются - Закон Божий изучался в любом учебном заведении, называются лишь церковные службы этой недели, в которых участвует сам архиерей: в вербное воскресение служил обедню, присутствовал и на вечерне, во вторник - обедня и опять вечерня, в четверг служил обедню в соборе, было омовение ног, а вечером - снова собор, читали двенадцать евангелий, и одно из них читал он сам, служба кончилась без четверти двенадцать. Утром он уже не поднялся. Пятницу вокруг него хлопотали доктора, а под утро, в субботу, он "приказал долго жить" (200). Больше о субботе ни слова. Следующая фраза в рассказе: "А на другой день была Пасха"(201).

Последний абзац рассказа в десять строк - о памяти. О том, как быстро, прочно и навсегда забыли архиерея. "Через месяц... о преосвященном Петре уже никто не вспоминал"(201).

Все может стать простым и понятным, если смысл ограничить притчей— вера без дел мертва. Для писателя, однако, работа над рассказом была делом многотрудным, растянулась она на несколько лет, и сказать хотел он о чем-то, может быть, самом важном.

Сопоставление эпох, "накладывание", "совмещение" событий, отстоящих на значительном расстоянии друг от друга, оценка событий глазами человека "из другого времени" - довольно частые элементы в поэтике Чехова ("Огни", "Счастье", "Скучная история", "Студент" и многие другие).

Христос заканчивает свою земную жизнь на кресте как Спаситель, "смертью смерть поправ", оставив людям учение, которое должно спасти человечество, и в этом его бессмертие. Стра-

стная неделя Христа прошла в окружении людей, многих людей, не только учеников, и все они в каждом поступке Учителя, в каждом слове его ищут откровение.

Невольные ассоциации заставляют читателя обращать внимание на казалось бы очевидное и естественное: выполняя свое предназначение, архиерей в храме всю жизнь возвращал прихожан к давним событиям - к подвигу Христа во имя людей, но вот вне храма - не понимал их, сердился на них, обижался, даже на собственную мать.

Голгофа и воскресение Христа логичны и закономерны, как закономерно ежегодное пасхальное ликование людей и самой природы: "гулкий, радостный звон с утра до вечера стоял над городом, не умолкая, волнуя весенний воздух, птицы пели, солнце ярко светило..." (201).

Закономерно и забвение преосвященного Петра: нечего, видимо, вспомнить, ничего не оставил людям. Наверное, не случайно Чехов ввел в систему образов девочку, приехавшую с бабушкой к дяде-архиерею за помощью. Обещал помочь, да не успел. Не раз и не два писатель выстраивает некий барьер между героем и внешним миром. "Когда в церкви кончилась служба и народ расходился по домам, то было солнечно, тихо, весело, шумела в канавах вода, а за городом доносилось с полей непрерывное пение жаворонков, нежное, призывающее к покою. Деревья уже проснулись и улыбались приветливо, и над ними, бог знает куда, уходило бездонное необъятное голубое небо.

Приехав домой, преосвященный Петр... лег в постель и приказал келейнику закрыть ставни на окнах. В спальне стало сумрачно"(196).

Закрытые ставни в качестве детали-символа Чехов уже употреблял, например, в рассказе "Приданое", с грустью говорит о закрытых ставнях в доме дяди в письме из Таганрога родным в 1887 г. Потом, позже ставни заменит футляр, деталь более выразительная.

Страстная суббота, пасха - обращают читателя к образу Христа, а тихая смерть архиерея и то» как скоро его забыли выдвигают на первый план в многопроблемном рассказе тему памяти.

Строго направленные автором ассоциации позволяют увидеть два полюса: Христа и архиерея разделяют не только многие века, но и принципиально разные деяния - недостижимый для смертного идеал служения людям и общепринятый путь добросовестного исполнения взятых на себя обязанностей, и потому одному вечная слава, другому - быстрое забвение. А с кем же автор?

Напомним, что "биографическое сходство" автора и героя современник Чехова едва ли мог увидеть. Не на будущего ли читателя ориентировался художник?

Чехов не с архиереем. Предельно деликатно, но вполне категорично писатель отстраняется от своего героя. Архиерей, вспоминая детство, "... уносился мыслями в далекое прошлое... и теперь это прошлое представлялось живым, прекрасным и радостным, каким, вероятно, никогда и не было". На этом мысль архиерея обрывается. Продолжает её, несомненно, автор: "И, быть может, на том свете, в той жизни мы будем вспоминать о далеком прошлом, о нашей здешней жизни с таким же чувством. Кто знает?" (195). И этим "мы будем" писатель отстраняется от героя, объединяясь с читателем. Судьбы писателя и героя сходны в частном, как судьбы многих незаурядных людей, но в основном, в глубинном они различны принципиально, Чехов не создал учения о спасении человечества, но он помогал людям осознать самих себя, без чего само спасение невозможно. И потому с такой же уверенностью, как Пушкин, он вправе был сказать: "Нет, весь я не умру ..."

Сопоставление временных пластов - давнего, величественного с сегодняшним, будничным, вся система художественных средств приводят читателя к размышлению не только о смысле человеческой жизни вообще и каждого человека в частности, не только о роли Чехова в истории отечественной литературы, но и о месте всякой личности в жизни общества, о службе и служении, о бренном и вечном.

И потому рассказ "Архиерей" - это и памятник, и завещание.

Примечание

1. Здесь и далее А. П. Чехов цит. по полн. собр. соч. в 30-ти т.т. Т.10., М.,, 1977, Страница указывается в скобках за текстом